

Лёля Сакевич

✱

**Шарлотта.
Лоттхен.
Александра**

RUSTORY
русская история

Рустория

Лёля Сакевич

Шарлотта. Лоттхен. Александра

Издательство "Руда"

2020

УДК 82.3+94 (47)
ББК 84(2Рос=Рус)-44

Сакевич Л.

Шарлотта. Лоттхен. Александра / Л. Сакевич — Издательство
"РуДа", 2020 — (Рустория)

ISBN 978-5-9073550-4-0

Больше всего на свете Фредерика Луиза Шарлотта Вильгельмина Прусская любила свою семью, таинственные сказки и танцы. Она была похожа на беспечную птичку, но жизнь всегда готовит свои сюрпризы. Ещё в детстве Лоттхен, как называли принцессу близкие, пережила позорное бегство в Мемель, смерть обожаемой матери и успела искренне возненавидеть Наполеона, оказавшегося гораздо страшнее ужасного сказочного карлика Тарампеля. Что же ждёт принцессу в будущем? Отплясывая в крестьянских башмачках в придорожной таверне, Шарлотта не предполагает, что войдёт в историю под именем Александры Фёдоровны, жены русского императора Николая I. Свою судьбу принцессы не выбирают... Или всё-таки выбирают?.. Для широкого круга читателей.

УДК 82.3+94 (47)
ББК 84(2Рос=Рус)-44

ISBN 978-5-9073550-4-0

© Сакевич Л., 2020
© Издательство "РуДа", 2020

Содержание

Часть 1. Злобный карлик	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лёля Сакевич

Шарлотта. Лоттхен. Александра

© Издательство «Руда», 2020

© Л. Сакевич, 2020

© Н. В. Мельгунова, художественное оформление, 2020

* * *

*И вот что, Ваше величество: королевам не пристало
разлеживаться тут на траве! Ведите себя с достоинством!*
Льюис Кэрролл, «Алиса в Зазеркалье»

Часть 1. Злобный карлик

Стекла двойных рам обожгли руки холодом – от дыхания морозные узоры растаяли, стало видно громаду Адмиралтейства. Там, прямо за ней, мелькали огни костров, бурлила огромная толпа, и ее тревога постепенно переходила в истерию. Внезапно загрохотали пушки – одна, другая. С каждым залпом мелодично звенели люстры, ритмично бухало сердце. Где-то внутри засело навязчивое: «Первый день правления, первый день...». С последним залпом голова молодой женщины нервно дрогнула – эта болезнь останется с ней навсегда...

Декабрь 1806 г., Куришская коса.

Мерное покачивание кареты на полозьях усыпляло, но бьющие в обледеневшее окно порывы ветра мешали сну, наводя страх. Два длинных дня тяжелой дороги, борьба то со снежными, то с песчаными бурями окончательно вымотали беглецов. Коса, казалось, была столь же бесконечной, как выюга, насквозь пронизывающая обоз из нескольких тяжело нагруженных повозок. Грея руки у дорожной печки, трое детей ладошками и дыханием растапливали дырочки на заледеневших стеклах, чтобы увидеть во тьме бури мелькавшие холмы дюн.

Вспомнив прекрасную куклу, оставленную в Кенигсберге, Лоттхен тяжело вздохнула. Собирались впопыхах, захватили с собой только самое необходимое, поэтому любимая фарфоровая красавица где-то затерялась. Сколько же было слез, когда обнаружилось, что среди вещей Шарлотты куклы не оказалось...

Почему постоянно нужно куда-то бежать? Бросив вещи и прислугу, нестись из Берлина в Кенигсберг, а теперь оттуда в Мемель... Девочка попыталась понять взрослых, ведь ей исполнилось уже восемь лет, не маленькая, но разгадать их странные решения было не под силу. У них, у взрослых, на все имелось единственное оправдание – война.

...Старшие братья глядели наружу сквозь темные пятнышки мокрого стекла и о чем-то перешептывались. Как обычно, Фридрих пугал Вильгельма страшными историями, а Вил, наивная душа, ему искренне верил.

– ...А по ночам он выходит в дюны и сумрачным взором оглядывает свои владенья. Нет ли где заблудшего странника, потерявшегося меж морем и сушей, – страшным и заунывным голосом рассказывал Фрид, с трудом сдерживая улыбку.

Вил, уставившись в темные холмы, мелко за трясся:

– Вон он, там! Я вижу его рога! Это Король-Олень, он сейчас нас...

Громкий стук в дверь кареты заставил вздрогнуть не только испуганного Вила, но даже неустрашимую Шарлотту. Она звонко воскликнула:

– Прекрати стучать, Фридрих! То, что ты – будущий король Пруссии, не дает тебе право вести себя подобным образом! Бедняга Вильгельм так напугался, что ему придется звать нянюшку Вильдермет!

Фрид тоже засмеялся, Вильгельм насупился:

– Я ничего не боюсь. Даже... даже черта! – он поманил к себе сестру и достал из кармана небольшую вещицу. – Гляди, Лоттхен, это мне дал младший конюший на последней станции! Ты представляешь, чего мне стоило сбежать от постоянного надзора и встретиться с ним с глазу на глаз?! Я – настоящий герой.

Лоттхен с уважением посмотрела на оловянную курительную трубку – действительно, чтобы убежать от недремлющего ока нянюшек и служанок, нужно быть истинным героем. Или обладать таким даром убеждения, какой имелся лишь у Лотты.

– Ты менялся? – Фридрих с любопытством покрутил в руках трубку, важно засунул ее в рот, скривившись, сплюнул. – Мой бог, ну и гадость же этот табак! Никогда не буду курить.

Вильгельм снисходительно забрал у старшего брата трофей:

– Зато это очень мужественно! Я выменял ее на серебряную пряжку от парадной туфли, а фрау Вильдермет сказал, что потерял ее где-то. Ха, вот крику-то было!

Дети немного посмеялись, а потом опять загляделись в покрытое ледяными узорами окно – мрачные силуэты дюн нескончаемой чередой уныло проплывали мимо.

– Как же мне надоели эти дюны, – проворчал Фридрих. – Здесь, на Куршской косе, раньше было много сосновых лесов, а сейчас – песок и голые кусты. Тоска какая... Когда стану королем, война уже кончится. И вот тогда я прикажу засадить эти места деревьями, проложить прекрасную дорогу и построить путевые дворцы, чтобы дорога до Мемеля не была столь изматывающей и долгой.

– Ты говоришь так, будто мечтаешь стать королем. Для этого, братец, нужно, чтобы отец умер, а об этом мечтать грех, – наставительно заметила Шарлотта. – Но ты прав, тоска ужасная.

Вильгельм вытащил из кармана колоду карт и радостно предложил:

– Тогда давайте в карты поиграем, как взрослые. Эту колоду я выменял у старого Фрица. Хм, на очередную серебряную пуговицу. Только он не успел еще научить меня, но ты-то, Фрид, ты умеешь, я уверен! И Лоттхен нас поддержит, так ведь, сестрица?

Фридрих был уже почти взрослый – ему исполнилось одиннадцать, он был кронпринцем и пользовался заслуженным авторитетом среди детей короля Пруссии. Скептически бросив взгляд на колоду, он принялся зловеще вещать:

– Под древним холмом Пилберг, это здесь, совсем недалеко, прямо под темной елью, находится страшный каменный стол, за которым сидят каменные дети и играют в карты...

– Опять ты нас пугаешь, Фрид! – возмутилась Лотта, но на всякий случай прижалась поближе к Вильгельму (тот опять мелко затрясся). – Как могут статуи играть в карты? Они же каменные!

– В том-то и дело, что это не статуи, а настоящие дети, которых страшный карлик Тарампель учил играть в карты прямо во время церковной проповеди. Местный пастор проклял игроков, и они превратились в камень, а карлику удалось сбежать. Они, волшебные карлики, все такие – юркие и хитрые. Теперь он следит за детьми и наблюдает, вдруг кто захочет перекинуться в картишки?

Вил выронил колоду, карты веером рассыпались под ногами.

– Он наблюдает? А какой он? Если карлик, то значит, маленький и везде пролезет...

Фридрих с улыбкой кивнул в сторону Шарлотты:

– Да не больше ее куклы, из-за которой на прошлой станции был визг до небес. Ах, глядите! – он указал на замороженное окно, на котором неизвестно откуда появились четкие отпечатки маленьких босых ножек, дорожкой проследовавшие куда-то вверх.

Вил взвизгнул, пригнулся, а Лоттхен расхохоталась:

– Довольно пугать несчастного Вильгельма, Фрид! Эти следы сделал ты сам, вот так! – сжав кулачок, девочка прижала руку боком к стеклу – отпечаток оказался похож на ступню без пальцев. Несколько маленьких пятнышек – и кривой отпечаток маленькой босой ноги с шестью пальцами готов.

С хохотом дети украсили окно дюжиной отпечатков, согрели озябшие ладошки у печки и заговорщецки переглянулись. Лотта подняла брови:

– У меня предложение – кто хочет марципан и какао?

Мальчишки оживились:

– Я! Я!

– А я знаю, как достать! Учитесь, ваши высочества!

Девочка залезла с ногами на сиденье и постучала в маленькое окошко, в котором виднелась сутулая спина кучера.

– Я хочу видеть герра фон Рюхеля. Прямо сейчас, – она захлопнула стеклянную створку и улыбнулась братьям. – Все-таки, замечательно, что мы избавились от надоедливой фрау Вильдермет. Так приятно чувствовать себя самостоятельной!

Одна маленькая просьба – и все зашевелилось. На улице послышалось ржание лошадей и людские разговоры. По длинному поезду саней раздалось перекрикивания кучеров. Повозка остановилась, снаружи вежливо постучали.

Приоткрыв дверь и впусив внутрь рой снежинок, Шарлотта ангельски улыбнулась огромному, усатому и пузатому фон Рюхелю:

– Любезный генерал, я очень беспокоюсь о здоровье нашей драгоценной матушки. Я прямо сейчас умру от беспокойства, если вы не проводите меня до кареты ее величества, – она поморгала пушистыми ресницами и жалостливо добавила: – Умоляю вас! Вы же не допустите, чтобы я сама шла через вьюгу и пронизывающий ветер?

Сзади сдавленно прыснул Вильгельм.

Генерал с улыбкой поклонился:

– Ваше высочество, конечно, я вас провожу, только запахнитесь в шубку поплотнее.

Он никогда не отказывал в подобных маленьких просьбах своей любимице. Лоттхен знала слабость бравого генерала и беспринципно ею пользовалась. Это так легко – показаться маленькой и беззащитной птичкой, которую все просто обязаны защищать.

Рюхель посадил Шарлотту на свою огромную лошадь, ловко вспрыгнул в седло и направился в сторону первых повозок, уехавших уже достаточно далеко.

– Позвольте поинтересоваться, ваше высочество. Как случилось, что вы едете одни? Где ваша надзирательница... пардон, ваша воспитательница?

Девочка улыбнулась. Как метко подмечено – надзирательница!

– Мы с их высочествами отправили фрау Вильдермет в повозку к малышам. Принц Карл раскапризничался, его нянькам необходима помощь. А мы уже большие, нам надзиратели не нужны!

Дунувший в лицо ветер заставил поморщиться.

– Как ваши раны, мой милый герр Рюхель? Я надеюсь, вы чувствуете себя лучше теперь? – спросила Лотта. Генерал, чтобы защитить принцессу от пронизывающего ветра, накрыл ее с головой своим меховым плащом, теперь ей приходилось вдыхать запах крепкого табака и поневоле прижиматься к жестким аксельбантам на его груди.

– Вашими молитвами, милая принцесса, мое тело уже не так страдает, как раньше, – он вздохнул, – увы, этого нельзя сказать о моей душе... Это постыдное бегство...

Надо было срочно вернуть ему боевой дух, или хотя бы чуточку поднять настроение.

– А у вас есть марципан? – невинно поинтересовалась принцесса.

Толстый генерал затрясся от беззвучного смеха и полез в притороченный к седлу ранец.

– Нет, ваше высочество, марципана нет. Но я припас для вас леденец. Только не рассказывайте фрау Вильдермет.

Шарлотта ловко спрятала леденец и усмехнулась – такой бравый генерал, лучший военный всего королевства, а боится молоденькой рыженькой фрау! Не поймешь этих взрослых.

Длинный поезд из двенадцати повозок – самое необходимое для королевской Семьи, спасавшейся бегством от французов, – растянулся на добрые полмили. Отец, Фридрих Вильгельм Третий, отстал и добирался до самого северного города Пруссии, Мемеля, другой дорогой. Королеву Луизу с детьми, личным врачом и графиней фон Фос сопровождал генерал Рюхель, получивший тяжелое ранение в провальном сражении при Йене.

Высунувшись из-под его плаща, Шарлотта увидела, что они почти догнали длинную королевскую повозку. Генерал на скаку кинул пару фраз кучеру, и тот притормозил.

– Дитя мое Лоттхен, душа моя, отчего тебе не сиделось у себя? Ведь уже скоро приедем, совсем недолго осталось, – матушка встретила Лотту болезненным кашлем.

Королева Луиза болела уже довольно давно, еще со смерти малыша-Фердинанда. Тем не менее, она решилась на бегство из Кенгсберга в Мемель. «Лучше умереть, – говорила она, – чем попасться в лапы мерзкому французскому чудовищу».

Матушка говорила о французском императоре Наполеоне, который недавно поработил много стран и теперь добрался до несчастной Пруссии. Брат Фридрих объяснял Шарлотте, что Наполеон – это самое настоящее зло, воплощение Вельзевула на земле. И она понимала, что это не обычные страшилки, коими славится братец, а истина – недаром матушка так ненавидела этого «корсиканского выскочку».

Набив карманы вожделенными марципанами, Шарлотта прижалась к матери. Было заметно, что длинный путь измотал королеву, но она стойчески «держала лицо» перед генералом, доктором и графиней фон Фос. Это истинно королевское умение – не показывать, что тебе плохо и больно, чтобы твои верные подданные, глядя на любимого владыку, не теряли надежды.

В королевской карете было намного теплее, клонило в сон. Шарлотта залезла к матери под шубу и, засыпая, прошептала:

– Матушка, а злобный карлик Тарампель существует?

– Нет, дитя мое, Тарампеля нет, – Луиза тяжело вздохнула и поежилась. – Но есть другой злобный карлик. И имя ему – Бонапарт.

Март 1807 г., Мемель.

В очередной раз Шарлотте удалось договориться с фрау Вильдермет. Это шустрый Вильгельм просто убежал от своих воспитателей, а Лотта всегда могла подобрать ключик к сердцу строгой фрау. Невероятно, но девочку отпустили туда, где воспитанной принцессе появляться строго не рекомендуется – на кухню.

Сумрачный чад от множества раскаленных печей, летающие в воздухе перья общипанных куропаток, шум и перекикивания кухарок – здесь было так интересно! Но самое чудесное – это шесть крошечных цыплят, которые только вчера вылупились из яиц.

Лотта выловила неуклюжее создание из огромной корзины – нежный маленький комочек ярко-желтого цвета. Зажав в кулаке, погладила по головке. Птенец бессмысленно моргал и пищал, не понимая, чего от него хотят.

– Глу-упенький, – протянула девочка, поглаживая пушистые перышки, – отчего же ты боишься? Никто тебя не съест, я не позволю... Интересно, ты петушок или курочка?

Цыпленок не ответил на этот, безусловно, очень важный вопрос. Пытаясь вырваться на свободу, он щекотно царапал ладошки и надрывно пищал.

Сзади на Шарлотту налетел вихрь, подтолкнул ее под локоть. Девочка вздрогнула и выронила птичку в корзину.

– Вильгельм, ты напугал меня, моя курочка чуть не ушиблась!

Подбежавший сзади брат ловко схватил цыпленка, покрутил его, рассматривая, и без интереса сунул обратно. А после авторитетно заявил:

– Это не курица, а петух, разве не понятно? Видишь, на голове у него гребешок. У куриц такого не бывает, – Вил наклонился к уху девочки и с жаром зашептал: – Ты не поверишь, Лоттхен! У меня есть... – он сделал многозначительную паузу, – ключ от Малого кабинета!

От удивления Шарлотта открыла рот. Попасть в Малый кабинет было ее мечтой уже целых два месяца.

– Да не может такого быть!

– Точно! Я его выменял на запонку! Побежали скорей!

Дети поспешили из кухни, перешептываясь на ходу:

– А как же Фридрих? Он ведь тоже хотел туда попасть?

Вильгельм гордо выпятил грудь и с презрением фыркнул:

– Их высочество кронпринц изволили провалить экзамен по арифметике. Пересдают. А я все правильно написал. Ну, или не совсем все, но переписывать работу мне не пришлось. Бежим скорее, а то лакеи догадаются.

Официальной королевской резиденции в Мемеле не было. Поэтому венценосной Семье приходилось ютиться в скромном трехэтажном особняке, ничего особенного из себя не представлявшем. Маман со вздохом вспоминала свой любимый дворец в Потсдаме, но в нынешней ситуации приходилось довольствоваться малым.

Да, дом был холодным, маленьким и неудобным. Но у него имелись два несомненных достоинства, которые взрослые, по своим глупым убеждениям, отчего-то не ценили.

Первой достопримечательностью дома было то, что, кроме большой конюшни, рядом с усадьбой располагался скотный двор. Невероятно, но Шарлотте удалось увидеть настоящую козу, а к лету, как обещали слуги, у белой овечки родятся маленькие ягнята! Что может быть лучше? Ведь в Берлине такого отродясь не случилось и случиться не могло.

Вторым достоинством, даже в некотором смысле, сокровищем дома, был Малый кабинет. В нем детям прусского короля удалось побывать только однажды, почти сразу после приезда в Мемель. На длинном скучнейшем официальном приеме, строжайший этикет которого не позволял даже глаз лишний раз поднять, не то, чтобы подробно рассмотреть все сокровища, которыми кабинет оказался буквально набит. И вот теперь появилась возможность обстоятельно рассмотреть, даже дотронуться до всего без навязчивого контроля роты нянюшек и надзирательниц.

Штат прислуги в доме был небольшим, поэтому ливрейные стояли не у каждой двери, как полагалось в Берлине, а только у постоянно используемых помещений. У Малого кабинета соляного столба в пудреном парике не обнаружилось.

Озираясь с таинственным видом, Вильгельм открыл высокую дубовую дверь. Дети быстро прошмыгнули внутрь, закрыли замок на ключ.

Комната была небольшой – всего три окна, завешенные темными бархатными портьерами, с потолка свешивалась старинная бронзовая люстра устрашающих размеров. Повсюду была расставлена громоздкая мебель из мореного дуба с золочеными вставками, шкафы, заполненные скучными фолиантами, старинный клавесин. К потушенному мраморному камину с решеткой в виде грифонов были приставлены два огромных кресла. За большим рабочим столом возвышался глобус на подставке. Размером он был раза в полтора выше Шарлотты.

– Вот это да! Вот это... да! – Вильгельм с горящими глазами потирал руки, не зная, к чему ему в первую очередь кинуться.

На камине, вместо заурядных подсвечников и бюстов, красовались странные устройства непонятного назначения – нечто механическое, похожее на старинные головоломки из серебра и бронзы. Какие-то маятники, оснащенные рычажками и колесиками, или что-то подобное. Чтобы они начали двигаться, наверное, требовалось надавить на какой-нибудь элемент из украшающих их бронзовых решеток.

На специальной подставке, довольно высокой – не допрыгнешь, как ни старайся, – стояла красивая ажурная клетка, по виду пустая. Хотя, нет, на жердочке внутри сидела крошечная птичка с изумрудными крылышками. Какое чудо, эта механическая птица просто обязана петь изумительным голосом! Но, чтобы услышать волшебный голосок, нужно нажать на один из ажурных лепестков, гроздьями украшающих донышко клетки. А дотянуться до них без кресла никак невозможно.

Пока Лотта, стоя на цыпочках, разглядывала клетку с птицей, Вильгельм волоком подтащил кресло к глобусу и принялся отчаянно чем-то ковырять в деревянном ободе, не позволяющем этому исполину сорваться с подставки и с грохотом покатиться по навощенному паркету.

– Я видел у отца в Потсдаме похожий глобус, только тот был пониже. Он должен как-то открываться, а внутри обязательно спрятано что-то интересное, – пыхтел Вил, старательно надавливая на все завитки деревянной резьбы, украшающие обод глобуса.

В конечном счете, упорство вознаграждается – внутри шара что-то щелкнуло, раздалась короткая мелодия из пяти нот, и Голиаф открыл свою зловещую пасть.

– Тьфу ты, черт, – вырвалось у Вильгельма далеко не королевское выражение, а Шарлотта рассмеялась. Внутри глобуса несколькими рядами стояли дорогие вина со всего континента. Дети рассчитывали явно не на такую находку.

Моментально потеряв интерес к глобусу, Вильгельм бросился к столу. Рядом с золотым чернильным набором на нем красовалась прекрасная модель корабля с раздутыми парусами. Кораблек был небольшой, не длиннее локтя, но все детали отделаны с ювелирной точностью. Мальчик схватил модель с подставки и, восторженно подпрыгивая, принялся крутить его в руках.

– О, это же новинка в кораблестроении! Линейный корабль со ста десятью орудиями, если судить по флагу, английский... Вот, смотри, видишь, в чем разница, чем этот красавец отличается от всякого старья?

Шарлотта пожала плечами – корабль как корабль, ничего особенного. Разве только выполнен очень красиво. Девочка дотронулась пальцем до крошечного штурвала – он крутился, заставляя двигаться рули внизу игрушки. Хм, занятно. Но не так интересно, как заветная клетка с птицей.

Брат снисходительно фыркнул:

– Ох уж эти женщины, ничего в серьезных вещах не смыслят! Здесь же корма круглая, не видишь, что ли?! Это чтобы увеличить обзор для пушек. Вместо канатов цепи использованы, для прочности. А корронады спрятаны за специальными открывающимися люками. И у самих пушек, гляди, какое крепление... Потрясающе... – Вильгельм сел прямо на пол, разглядывая крошечные детали, что-то крутя и передвигая. Кораблек подозрительно затрещал. Не сломал бы, инженер недоученный.

В этот момент дверной замок щелкнул. Дети испуганно переглянулись и, не сговариваясь, резво забились под стол. Там было довольно пыльно. Чтобы не расчихаться, Лотта зажала себе нос. Не хотелось попадаться под монарший гнев из-за нерадивости слуг, оставивших пыль толщиной в палец.

Сквозь деревянную резьбу было отлично видно, что в комнату, посмеиваясь и переговариваясь, вошли два лакея. Один принялся деловито растапливать камин, другой поправил портьеры, зажег свечи в канделябрах, придвинул к креслам столик с коробкой сигар и любимым коньяком отца.

Вил, прижимая к груди корабль, зашептал сестре на ухо:

– Коли коньяк и сигары, то ожидается важный, но неофициальный разговор. К отцу утром какие-то серьезные гости приехали, я не успел узнать, кто. Кстати, ты заметила, как этот пудренный одну сигару за пазуху положил? Вот жук, я на него нажалуюсь, и его будут палками бить!

Все так же зажимая нос, Лотта прошептала (получилось гнусаво и очень забавно):

– Как бы од да тебя де дажалывадся. За то, что ты задес в кабидет без раздешедия. Так и тебе падок перепадед.

Брат фыркнул и тихо засмеялся:

– Не смеши, а то обоим несдобровать!

Лакеи ушли, но выбраться из кабинета не получилось – было слышно, как один из них встал у двери, цепным псом охраняя вход.

Через пару минут в кабинет вошли отец и высокий светловолосый человек, державшийся со спокойной величавостью. Такого природного аристократизма у отца никогда не было, как бы ни билась с ним графиня Фос, ответственная за соблюдение этикета при дворе.

Вильгельм взволнованно зашелестел в ухо:

– Александр! Это русский император, точно он!

Император сел в кресло к камину, а Фридрих принялся нервно прохаживаться по комнате, размахивая руками и восклицая по-французски, временами сбиваясь на немецкий:

– ...Мое сомнение было вполне естественным, но оно оказалось абсолютно неоправданным. Несчастливая Пруссия слишком дорого заплатила за то, что встала под знамена позже вас, ваше императорское величество. Мы решились на борьбу только к четвертой антинаполеоновской коалиции. Увы, нам была дана надежда на занятие Ганновера, но теперь мы подло обмануты... Ах, Александр Павлович, даже ваша помощь не остановила французов под Вислой! Дева Мария, что нас ждет, подумать страшно... – он устало сел, совсем по-стариковски обхватил голову и пробормотал: – Я, только я один виноват в том, что Пруссию разрывают кровавые французские псы...

– Яростное самобичевание не спасет подданных вашего величества, – тихим голосом ответил Александр. – Старой Европы уже не будет, и с этим, Фридрих, надо смириться. Два года назад я тоже брал на себя вину за поражение под Аустерлицем, но сейчас понял, что Бонапарт в первую очередь полководец, а уже во вторую – император. Величайший полководец, ровня Македонскому. Оттого и бороться с ним настолько тяжело. Но в данный момент, увы, я должен пойти с ним на перемирие – нам надобно выиграть время для восстановления сил. Вынужденное перемирие, Фридрих. В котором, боюсь, Пруссии будет отведена незавидная роль.

Отец душераздирающе вздохнул и отпил из бокала. Шарлотта знала – брат Фрид говорил ей, что Фридрих Вильгельм Третий очень слабый король. Ей было стыдно за отца перед русским императором, настолько стыдно, что она тоже душераздирающе вздохнула. Раз, потом еще. А потом... чихнула. Звонко, на всю комнату.

– Все, нам коне-ец... – печально протянул Вильгельм и тоже вздохнул.

Император и король резко обернулись.

Пришлось вылезать из-под стола и сдаваться. Вернее, это Вил собрался сдаваться. Он вытянулся перед отцом, задрал подбородок и плотно сжав губы, обреченно предвидя, что его ожидает. Действительно, за подобное нарушение дисциплины при прусском дворе принцам зачастую определяли с десяток палок. Разумеется, не в полную силу, но тоже ощутимо, до ссадин. Но сегодня приехал дорогой для отца гость, поэтому можно было попытаться исправить положение.

Шарлотта сделала глубокий реверанс и широко улыбнулась императору. Графиня фон Фос постоянно ругала ее за эту улыбку – воспитанная принцесса никому не должна показывать зубы, она же не кухарка, чтобы скалиться. Кстати, ни у одной кухарки Лотта не видела таких ровных и белоснежных зубок, какие были у нее.

– Прошу прощения, ваше величество, – пропела она первой, нарушая все мыслимые и немыслимые правила этикета.

Отец был в настолько расстроенных чувствах, что только махнул рукой на своих детей, отпил из бокала и пробормотал:

– Будьте здоровы, Лоттхен.

– Благодарю, отец.

Король, похоже, был только рад, что печальный разговор с Александром оказался так бесцеремонно прерван.

– Ваше императорское величество, – сказал он, – позвольте представить вам принца Вильгельма, моего второго сына (Вил прищелкнул каблуками и по-военному поклонился), и принцессу Фридрику Луизу Шарлотту Вильгельмину, мою дочь.

Александр кивнул и улыбнулся. Странно, его тонкие губы улыбались, но голубые глаза оставались холодными.

– Очень приятно познакомиться, ваши высочества.

Лотта подскочила поближе и пропела:

– Отец! Довольно мучить гостя вашими печальными историями! Позвольте показать его императорскому величеству единственное сокровище нашего скромного дома!

Отец пробормотал:

– О!.. В этой норе есть сокровища? Не знал...

Император удивленно поднял бровь, а Шарлотта бесцеремонно схватила его за руку и подвела к ажурной клетке. Такому высокому человеку, как он, очень легко снять диковинку с подставки и... дать полюбоваться одной маленькой принцессе, которая очень-очень этого хочет.

Александр с улыбкой снял драгоценную клетку, поставил на подоконник, и в этот момент птица ожила! Зазвучала волшебная мелодия, а птичка, дергая зелеными крылышками и поворачиваясь на жердочке, зачирикала.

Шарлотта захохотала и закружилась по комнате – как замечательно, красиво, волшебнo!

Сзади хмыкнул все так же стоявший навытяжку старший брат. Все-таки, быть женщиной – это значит обладать могуществом, какого нет и у самых сильных мира сего. Александр, забыв, наконец, о своей мрачности, поддался обаянию Шарлотты. Теперь его глаза выражали крайнюю заинтересованность.

– Ваше высочество, вы и сами похожи на маленькую птичку, – он с улыбкой снял с ее кудрей перышко. Вероятно, Лотта подцепила его на кухне. – Фридрих, вы в своей затворнической келье храните сокровище подороже всех фамильных драгоценностей! Эта милая крошка, когда подрастет, станет украшением любого великосветского бала. Вы посмотрите на эту тонкую талию! А волосы, а взгляд? Да она вырастет такой же красавицей, как и ее мать!

– Неудивительно, ведь в принцессе течет кровь Гогенцоллернов. Кстати, ее величество Луиза приглашала вас сегодня на ужин, – сказал сразу же поскуцневший отец. – Ваши высочества, будьте любезны, оставьте нас.

Дети с поклоном собрались уходить, но король окликнул Вильгельма:

– Ах, да, Вильгельм. Не забудьте завтра явиться к семи утра на парадное построение.

– Так точно, ваше величество!

– Я не сказал вам? Вас произведут в лейтенантский чин.

Челюсть Вила отвисла, и он в восторге заорал. Наверное, это было что-то вроде парадного «Слава вашему величеству!», но больше это походило на вопли кучера, которому позавчера придавило палец и которого после этого долго били палками.

Дети вышли из комнаты, сопровождаемые совершенно не королевским хохотом – их величества изволили веселиться. В общем, вылазка в Малый кабинет оказалась весьма удачной.

После того как ранним утром проводили русского императора, а отец со старшими сыновьями отправился на построение, Шарлотта побежала в личные королевские покои. Принцессе не терпелось похвастаться Луизе, что император сравнил Лотту с ней. Быть похожей на самую красивую королеву Европы, быть такой же обожаемой, как она – вот настоящая мечта!

Девочка ворвалась в комнату и, услышав звуки любимой музыкальной шкатулки, закружилась, крича во все горло:

– Ваше величество! Его императорское величество сказал его величеству, что мое высочество... – она вконец запуталась и захохотала: – В общем, когда я вырасту, то буду украшением любого бала! Так русский император сказал!

Мать подошла к ней и обняла:

– Безусловно, будешь, милая Лоттхен. Если закончится война... То есть, когда война закончится, мы устроим грандиозный праздник. Будет самая красивая музыка, самые лучшие гости, будут фейерверки, танцы до утра, блеск золота и бриллиантов. И ты станешь блистать, обещаю, – она судорожно вздохнула и всхлипнула.

Шарлотта только сейчас поняла, что что-то не так. В личных покоях королевы стояли большие ящики, слуги упаковывали столовое серебро и бальные туалеты, а королева перебирала драгоценности. Графиня фон Фос, глядя на Шарлотту, нахмурила подбритые брови и стала раздуваться, словно индюшка. Все, нравучений не миновать.

– Ваше высочество! – задребезжала она. – Позвольте напомнить, что воспитанные принцессы в лучших европейских домах не позволяют себе...

– Оставьте, графиня, – прервала ее Луиза. – В нынешней ситуации детская непосредственность и наивная радость важнее любых условностей этикета. Пусть дитя радуется, это, пожалуй, единственное, чего не лишена моя девочка...

Фос замолчала, но поджала губы с таким выражением, будто ее заставили съесть жука. (Шарлотта могла утверждать это с уверенностью – именно такое лицо она видела у Вильгельма, когда он бился об заклад с Фридрихом и проиграл. Жук, между прочим, был живой и страшный.)

– Что случилось, маман? Я могу чем-то помочь?

– Увы, нет, моя дорогая. Просто побудь рядом, – Луиза откладывала старинные драгоценности в шкатулку, а современные и модные – в отдельную коробку. – Я решила продать свои ценности, чтобы собрать денег для фронта.

– Вы и так уже почти все продали, да и из Берлина мы вывезли совсем мало ценных вещей. Маман, получается, клетку с волшебной птицей из Малого кабинета тоже продадут?

– Солнышко мое, на вырученные за такую вещицу деньги можно будет кормить полк солдат целый месяц.

Отец всегда говорил: армия – это основное в государстве. Шарлотта вздохнула – конечно же, солдатам сейчас ее любимая птичка нужнее, чем самой Лоттхен... Но, похоже, французский император для своих солдат не жалеет и более драгоценных игрушек. Потому-то он и побеждает по всем фронтам...

– Пусть забирают птицу. А я могу отдать свои старые туфельки, – самоотверженно предложила девочка. – Они мне уже малы. А у Вильгельма осталась еще пара серебряных пуговиц на камзоле, можно и их продать! Не переживайте, ваше величество, мы справимся!

Любуясь блеском драгоценных камней, девочка задумчиво прижалась к матери.

– Интересно, есть ли в Европе такие принцессы, которым не надо сейчас отдавать солдатам свои игрушки?

– Есть, конечно же, есть, – Луиза печально улыбнулась. – Ну, хотя бы, сестры русского императора, великие княгини.

Королева посмотрела на свет через огромный рубин и вздохнула:

– Ах, ты бы видела, что за чудо – Петербургский двор! Это такое великолепие, такая красота! Словно ювелирная музыкальная шкатулка, только в натуральную величину.

– Обязательно там побываю, – важно задрала носик Шарлотта. – Тем более, я приглянулась их монарху, значит, буду принята у них при дворе!

Луиза оживилась:

– А ведь действительно! У Александра Павловича младшие братья в твоём возрасте. Мы можем выдать тебя замуж за одного из них, и не придется становиться императрицей! Замечательно, надо будет обязательно обсудить это с Фридрихом.

– Маман! Я не хочу замуж!

Королева лукаво хихикнула:

– А как же балы и прекрасные туалеты?

Лотта задумалась, не зная, что же для нее дороже – свобода или балы с увеселениями.

– Нет. Замуж не пойду. Не хочу!

Луиза засмеялась, схватила ее за руки и закрутила по комнате:

– Ах, мечтательница! Кто ж тебя спросит? Хочешь марципан?

– Да!

– Бежим!

И королева, держа за руку Шарлотту, словно маленькая девочка, побежала вперед по анфиладе комнат. Легкие шаги повторяло эхо, светлое платье развевалось, серебристый смех заставлял всех слуг переглядываться и сдержанно улыбаться. Одна только графиня фон Фос недовольно хмурилась – ей никак не удавалось научить Луизу хорошим манерам.

«Вот бы Александр оказался прав, – думала Шарлотта, с хохотом догоняя мать. – Как бы я хотела стать такой, как моя мама!»

Июнь 1807 г., Мемель.

Светло-голубое небо, как будто насквозь пронизанное солнечным светом, простиралось прямо перед глазами. Там, высоко-высоко, прозрачные облака лениво меняли свои очертания, а быстрые чижи играли в салки. Легкий ветерок колыхал траву – сочную, высокую и безумно ароматную.

Шарлотта лежала на спине, скинув шляпку и приподняв повыше юбки – все равно никого рядом нет, стесняться можно было разве что белого кролика Михеля – нового любимца с рыжими ушами и круглыми бессмысленными глазами. Безмятежная красота заброшенного сада не трогала любимца. Он флегматично жевал травку и фыркал розовым носиком.

Девочка поморщилась – прямо на нос ей села божья коровка и принялась щекотно перебирать лапками. По-кроличьи фыркнув, удалось спугнуть непрошеную гостью. Божья коровка полетела вверх, прямо в небо, а легкий ветер сбил ее, унеся куда-то вдаль. Шарлотта перевернулась на живот и, помахивая ногами, погладила кролика. Конечно, летать – это чудесно, но быть зависимой от ветров и течений не хотелось.

– Это война, ваше величество, – раздался старушечий голос совсем близко, из ротонды в греческом стиле, полускрытой в тени старого дуба.

Шарлотта вжалась в землю – нельзя было допустить, чтобы суровая графиня фон Фос ее заметила. Тогда будет неминуема расплата за помятое платье и испачканные в соке травы чулки.

– Война! Но вы, как королева, не имеете права опускать руки! Госпожа моя, на вас смотрит вся Пруссия. Соберитесь!

Послышался судорожный вздох и всхлип. Неужели это мама плачет?! Лотта вытянула шею и увидела Луизу. Она сидела в пол-оборота, сжимая в руках распечатанное письмо и непроизвольно его комкая. Красивая, но невероятно печальная. Последнее время маман была почти всегда такой, ее настроение напрямую зависело от того, какие вести шли с фронта. Было видно, что она старалась успокоиться, но слезы текли по лицу ручьями. Значит, случился очередной провал...

– Буквально на прошлой неделе Фридрих писал, что после разгрома нашей армии он встречался с этим чудовищем, – проговорила Луиза и злобно выкрикнула: – Корсиканский сатана! Как же я его ненавижу! Сколько боли, сколько смерти он несет! Графиня, милая София,

вы говорите: «Война». Нет, скажу я вам, это не война, а страшная скотобойня. Никаких правил чести, никаких норм поведения не соблюдается в этой ужасной кровавой каше! Я лично, своими руками задушила бы это мелкое, ничтожное, хвастливое существо! О, а мне надобно вести себя, как королеве, надобно, видите ли, держать себя в руках!

Она встала и прошлась по беседке. Шарлотта с замиранием сердца выглядывала из густой травы – она еще не видела мать в таком состоянии. Луиза была похожа на валькирию – горящие глаза, покрасневшее от слез лицо и развевающиеся волосы.

Более царственным тоном Луиза продолжила:

– Александр, на которого была наша последняя надежда, проиграл этот бой... И теперь Пруссию ожидает та же судьба, что и Речь Посполитую. Нашу страну разорвут, растерзают на куски и выпьют оставшиеся соки. Боже правый, мы и так на грани банкротства! Представить себе не могу, какую контрибуцию затребует это чудовище!.. А я должна вести себя как королева!

Она что-то пробормотала, вызвав возмущение у графини:

– Святая Брегитта! Побойтесь бога, ваше величество, не забывайте о достоинстве. Ведь только вы сможете помочь спасти страну. Слушайте Калькройта, он, конечно, бывает весьма глуп, но сейчас, безусловно, прав! А Гарденберг подскажет вам, что говорить и как действовать. Ваше величество, постарайтесь ради всех нас! Соберитесь! Только на вас вся надежда...

Шарлотта знала, что герр Калькройт был прусским парламентаром, а граф Гарденберг – лучшим советником и министром отца. Люди умные и достойные, но без поддержки королевы почему-то не справлялись.

– Хорошо, коли уж граф Калькройт настаивает на этом, я поеду в Тильзит и проведу эту беседу, – произнесла Луиза ровным голосом. – Только что может сделать несчастная женщина, если целые армии бессильны?! Ах, Фридрих так слаб... Он чувствует себя таким беззащитным! Бедняга даже подумывал об отречении, я с трудом отговорила его от этого безрассудного поступка.

В этот момент сбоку от Шарлотты послышался шорох. Кролику, вероятно, надоело сидеть на одном месте или, может быть, его не особо интересовала внешняя политика стран Европы. Пушистый глупышка решил размяться – прытко отталкиваясь задними лапами, он поспешил в гущу травы.

– Михель! – окликнула шепотом Лотта и ползком поспешила за беглецом.

Поэтому окончания разговора девочка не услышала, но и так ясно – маман будет встречаться с самим Бонапартом. С человеком, который страшнее, чем злобный карлик Тарампель.

Июль 1807 г., Мемель.

Шарлотта, как истинная принцесса, должна была любить рукоделие. Хм. Должна, но, честно признаться, не любила – вышивка серебряной нитью покрывала для базилики святой Марты шла весьма туго. Девочка с трудом заставляла себя сидеть на месте и старательно вышивать картину «Подношения волхвов». Волхвы, похоже, чувствовали, что ей хочется петь и танцевать, а не работать, и потому выходили кривоватые и кособокие. Исколов пальцы иголкой, Лотта отчаянно завидовала братьям – те сейчас были на репетиции парада, посвященного заключению мира. Там шум, играющий марши военный оркестр, громогласные командирские команды и ржание лошадей. Весело у них, не то, что здесь...

Фрау Вильдермет, стоя за спиной, как надзиратель (генерал фон Рюхель был прав), нынче превзошла саму себя. Она так отчаянно старалась показать рвение к работе, что это бросалось в глаза не только Лотте, но даже ее младшей сестре – крохе Александрине, которой было лишь три года.

– Вильдермет – надоеда! – категорично высказалась она и продолжила, что-то напевая, пеленать пупса.

Нянюшки оживились, приговаривая, что, мол, так вести себя нехорошо, ай-ай-ай, а Шарлотта прыснула, уткнувшись носом в волхвов.

Надзирательница жужжала о правилах поведения «настоящей принцессы», как надоедливая муха, по той лишь причине, что сегодня ее величество королева изволила посетить детскую для девочек. Луиза пришла со старухой Фос, и как раз рассказывала о своей встрече с Наполеоном.

Графиня пробормотала:

– Ваше величество, вероятно, не следует говорить о нем здесь, при их высочествах? – она взглядом показала на Шарлотту и Александрина.

Как это «не следует»? Обязательно надо говорить! Откуда тогда еще можно будет узнать об этом карлике, как не от Луизы?!

– Говорите, маман. Я полагаю, что подобные знания нам с принцессой пригодятся в будущем. Знать истину важно не только для государя, но и для его спутницы! – важно подала голос девочка и воткнула иголку прямо в нос волхву. Потом, немного поколебавшись, поинтересовалась: – Матушка, а Бонапарт действительно такой страшный, как рассказывают?

Мать улыбнулась:

– Оказалось, нет, моя дорогая. Он маленький, толстый и надменный. Да, признаюсь, я ожидала увидеть воплощение зла на земле. Тем более после того, как этот человек высказывался лично обо мне. Ранее он говорил, что я «женщина с прелестными чертами, но слабая духом». Что меня, «должно быть, мучают страшные угрызения совести за те страдания, которые я причинила своей стране». Я причинила?! Ведь я горю сердцем за несчастную Пруссию! Но, признаюсь, встретившись с Бонапартом, я поняла, что это не простой чванливый капрал. Он высокообразованный, глубокомысленный интеллектual, человек, живущий своей великой идеей. Но, увы, только идея сия идет вразрез со всеми нашими помыслами и стремлениями. Посему Наполеон остается, как и был, первым врагом. Услужливость по отношению к даме, комплименты моему туалету, эта несчастная роза у моих ног – все это спектакль, дешевая оперетка, не играющая в судьбе нашей страны никакой роли. Увы – я не смогла повлиять на его решение, я лишь слабая женщина...

Королева прошла по комнате, печально глядя в пространство, потом страстно продолжила:

– Лоттхен, слушай, это важно. Договор, заключенный на реке Неман, унизил Пруссию. Это соглашение поставило на колени нашу страну. Мы потеряли половину своей территории – все земли западнее Эльбы, а также польские владения. Французская оккупационная армия, эти прожорливые псы, встали на наше довольствие! Святая донна, как мы будем выплачивать контрибуцию в четыреста миллионов талеров?! Это страшно, но нам придется справиться. Самое главное – это то, что Пруссия не исчезла как страна. Россия помогла нам на переговорах. Ей выгодно, чтобы между ней и разросшейся Францией встало буферное государство. Именно таковым теперь является когда-то Великая, а теперь несчастная, Пруссия. И есть только один человек, который повлиял на эту возможность – русский император. Вся Европа смотрит на Александра Павловича с надеждой, лишь у него одного еще есть возможность избавить всех нас от Бонапарта.

Шарлотта с хитренькой улыбочкой обняла мать за талию:

– Маман, вы с таким восторгом говорите об Александре. Ведь вы влюблены в него, правда?

Королева искренне расхохоталась, а графиня, взмахнув руками, словно насадка, возмущенно закудаhtала:

– Ваше высочество! Это переходит все границы! Как можно?! Ах! Ах!

– А что тут такого? – недоуменно воскликнула Лотта. – Я видела императора. Он высокий и красивый. Староватый, конечно, но тридцать лет – это не пятьдесят. Да, к тому же, он еще и герой. Отчего бы и не влюбиться в столь выдающегося воина?

Луиза с хохотом присела перед дочерью.

– Это невозможно. Моя дорогая, я не могу влюбиться ни в Александра Павловича, ни в кого другого!

– Почему же?

– Очень просто. Потому что люблю твоего отца, Фридриха Вильгельма. Я могу замечать других мужчин, могу восхищаться ими, могу даже вести переписку, но любить буду только своего мужа. И уверена, что он любит только меня.

– Как можно быть в этом уверенной? – девочка попыталась авторитетно заявить: – Я изучала историю, и сообщаю вам, маман: короли очень часто имеют фавориток. Это действительно так.

Слуги застыли, боясь пошевелиться, а графиня была уже близка к обмороку. Хм, подумаешь! Разве не могут дочь с матерью поговорить доверительно? Это важная тема, и она давно беспокоила Лотту. Поэтому узнать такие интересные подробности было для нее просто жизненно необходимо.

Королева отвела дочь к окну и негромко объяснила:

– Лоттхен, по сути, неважно, есть ли у мужа фаворитки, или нет. Ты как женщина должна чувствовать, что именно нужно твоему возлюбленному. И если ты его действительно любишь, то дашь ему то, в чем он нуждается. Без глупой ревности. Самолюбие женщины не может быть уязвлено, если ее любимый счастлив, запомни это. Любой гуляющий муж вернется к супруге, если будет чувствовать, что его искренне любят и принимают таким, какой он есть.

– Но как ты можешь быть уверена, маменька? – шепотом спросила Шарлотта.

– Я это чувствую, дорогая. И тебе в будущем придется научиться этому искусству. Но я хотела бы для тебя одного, солнышко...

– Чего же?

– Молюсь, чтобы твой будущий брак был по любви... Дорогая, тяжелая доля принцессы заключается в том, что зачастую приходится жить с нелюбимым, а это ох как больно! Мне повезло, мы с твоим отцом любим друг друга. Я мечтаю о том, чтобы и тебе, Лоттхен, повезло так же сильно.

– А можно, я сейчас покатаюсь на лошади?

– Конечно же, душа моя, беги, – Луиза улыбнулась, поцеловала девочку в лоб, обняла малышку Александрина и вышла из детской.

– Лошадь и амазонку! – велела Лотта слугам, а сама задумалась.

Она, естественно, не собиралась выходить замуж – зачем ей это надо? Если отцу в будущем потребуется дружить с каким-нибудь государством, пусть Александрина замуж выдает. Или просто так дружит, по-мужски. Ведь для чего-то же существуют министры иностранных дел, пусть и решают вопросы, безо всяких нелепостей вроде брака. Шарлотта мечтала блистать на балах, быть принятой во всех высших дворах Европы, танцевать и радоваться жизни, а для этого вовсе не требуется выходить замуж.

Да, кстати, коли уж радоваться жизни, то начинать надо прямо сейчас – пора ехать на конную прогулку! Может быть, краем глаза удастся построение и репетицию парада увидеть...

Новый костюм-амазонку для верховой езды Шарлотте преподнесли, когда она пересела на большую лошадь, а это случилось неделю назад. Темно-синий бархат, кожаные замшевые перчатки и перо павлина на шляпке – красота. Все как у взрослой дамы! После невысокого мула на огромной лошади было страшно и неудобно, но девочка гордилась тем, что ехала на белой красавице Полин. Принцессу все еще подстраховывал слуга, но он был не в счет.

Луг за полигоном давно уже вытоптали лошадиные копыта, здесь легко можно было осваиваться в скачке галопом, но пока Шарлотта еще не настолько уверенно себя чувствовала в седле. К тому же, ее сейчас больше интересовало то, что происходило там, за оградой.

К великому сожалению, репетиция парада уже завершилась, полки ушли, музыканты разъехались. На полигоне уныло развивались флаги, то там, то здесь виднелись небольшие группы офицеров. Все на лошадях, при парадной форме, в полукруглых шляпах с пушистыми султанами, в общем, красавцы. Чуть подальше, недалеко от пригорка, солдаты крепили к повозкам пушки и, не торопясь, увозили их с поля.

Вдалеке две белых лошади соревновались в скорости в галопе. Старшие принцы изволили развлекаться – отца нет, так им никто не указ, устроили скачки!

Только Шарлотта собралась прищипорить лошадь и успокоить своих разудалых братьев, как раздался гулкий топот, и знакомый голос пробасил:

– Добрый день, ваше высочество! Вы потрясюще выглядите сегодня!

Трое всадников лихо подъехали сзади. Сияющий фон Рюхель был немного пьян. Но такое с ним частенько случалось, поэтому Лотта не испугалась генерала. В таком состоянии он был еще более добродушным и веселым.

– Здравствуйте, генерал. Благодарю вас. Как вам моя Полин?

– Она превосходна, ваше высочество. А вы на ней выглядите просто Афиной Палладой, столь же прекрасны и воинственны.

Афина-Шарлотта царственно взяла очередной леденец и присмотрелась к спутникам генерала – оба мужчины были ей незнакомы. Один, помоложе, в новенькой форме майора, другой, посolidнее, – подполковник.

– Ваше высочество, позвольте вам отрекомендовать, – граф указал на подполковника, тот подъехал ближе и поклонился. – Граф Нейтхардт фон Гнейзенау, при Йене командовал батальоном, а на данный момент – комендант крепости Кольберг, весьма героическая личность. Только благодаря гениальному руководству графа удалось сохранить для Пруссии эту крепость! Позволю себе уточнить, что это очень важное достижение в нашем тяжелом положении.

Шарлотта взглянула на гениального коменданта и улыбнулась – он так забавно пучил глаза! А нос пуговкой совсем не подходил для столь прославленного героя. У героев, вероятно, должны быть орлиные носы, ну, или, в крайнем случае, греческие. Но никак не милой круглой пуговкой.

– Граф, у вас есть мечта?

Вероятно, такой необычный вопрос поставил героя в тупик – он, изобразив на лице мыслительный процесс, с трудом выдавил:

– Ваше... Ваше высочество! Моя мечта – величайшая слава для Пруссии и победа над Бонапартом!

Вероятно, несчастный Гнейзенау уже пожалел, что попросил Рюхеля представить себя принцессе – он принялся отчаянно потеть и ерзать в седле. Лоттхен продолжила издеваться над бедолагой:

– Ну, это понятно, а для себя о чем мечтаете? Ведь должна же быть у такого героя личная, самая заветная мечта?

Глаза героя заблестели и он, поняв, что решается его судьба, воскликнул:

– Я узнал, ваше высочество, что место шефа инженерного корпуса вакантно... Уверяю вас, что я оказался бы незаменимым на данном поприще!

– Я скажу отцу... То есть, я сообщу его величеству о вас. Гнейзенау, вас должно ожидать прекрасное будущее и стремительная карьера, такие герои нужны нашей родине, – важно ответствовала Афина, пардон, Шарлотта.

– СЛАВА ПРУССИИ!!! – восторженно заорал герой. Крикнул он громко, очень громко, вероятно, чтобы было слышно на всю родину, которую он так отчаянно прославляет.

Лошадь девочки, вполне миролюбивое и смирное создание, от испуга заржала и неожиданно поднялась на дыбы. Слуга, сопровождавший принцессу и во время разговора витавший где-то в облаках, не успел придержать животное за узду. Шарлотта, не удержавшись в седле, с криком соскользнула вниз.

– А-а-а! И-и-и! – взвизгнула принцесса, думая, что лошадь вот-вот растопчет ее.

– Все хорошо... успокойся... хорошая девочка, умница... ничего страшного не произошло... – ласковый голос над ухом заставил Лотту открыть зажмуренные глаза.

Оказалось, ее подхватил второй офицер, которого Рюхель еще не успел представить. Держал на руках, как простую девочку, и укачивал, пытаясь успокоить. Интересно, как он успел так быстро соскочить со своей лошади, чтобы успеть на лету схватить Шарлотту?

– Ты кто? – вырвалось у Лотты совсем не по-королевски. Ее герой оказался чуть постарше отца, темноволосый, с бравыми бакенбардами и умными глазами.

– Леопольд Бойен к вашим услугам, ваше высочество. Как вы себя чувствуете? Не ушиблись? Стоять сможете?

Она кивнула и только сейчас поняла, что вцепилась в майора так сильно, что оторвала аксельбант от нового мундира.

– Майор, что вы себе позволяете? – зарычал на него фон Рюхель, который слез с лошади и возмущено запрыгал вокруг них. – Сейчас же отпустите ее высочество!

– Не ругайте Лео! – вступилась за Бойена Лотта. Она пустилась с рук и попыталась привести себя в порядок – шляпка упала, волосы рассыпались по плечам. – Теперь Леопольд Бойен – мой спаситель. Он храбрец и герой! Да, кстати, милый друг, с этого дня позволяю вам считать меня своей Дамой сердца.

Бойен склонился перед ней и поцеловал руку, совсем как взрослой даме.

Тут со всех сторон налетела свора слуг, послышался топот копыт, и властный голос старшего брата спросил:

– Что здесь происходит? Лоттхен, у тебя кровь на лице?!

Шарлотта дотронулась до скулы – наверно, поцарапалась о жесткий, шитый серебром, эполет.

– Я упала с лошади, а майор меня спас.

Фридрих остался в седле, а Вильгельм лихо спрыгнул, приложил к ее ссадине платок и, обняв, крепко прижал сестру к себе.

– Этого, – Фрид указал на помертвевшего слугу, – пропустить сквозь строй! Фон Рюхель, вы пьяны? Нарушение устава. Под стражу! А вас, господа, прошу изволиť следовать за мной!

Да, сейчас Фридрих, несмотря на свой возраст, выглядел настоящим государем – уверенный, сильный и властный. К тому же, ему невероятно шла офицерская форма. В общем, в будущем из него выйдет настоящий король!

Все направились к дому. Шарлотту посадили на лошадь впереди Бойена, братья ехали впереди, бледный подполковник был ни жив ни мертв, а генерал Рюхель поглядывал в сторону принцессы, ревниво сопя и дуясь.

– Леопольд, вы так и не рассказали о себе, – Лотта уже успокоилась и весело заливалась соловьем. – Где вы служите? У вас есть семья? А мечта, заветная мечта, как у Гнейзенау, у вас есть?

Он улыбнулся:

– Я служу прусским делегатом при русском генерале Тучкове. Вам, ваше высочество, моя служба не покажется такой героической, как у подполковника. Скудная адъютантская работа. А мечта моя уже сбылась, да так, что я витаю в облаках от счастья.

– Да вы что?! И что же это за волшебная мечта такая?

– Чтобы вы стали моей Дамой сердца. О большем мне и мечтать незачем!

Шарлотта довольно улыбнулась – такой бравый майор, а воспринимает ее как взрослую! Оказывается, чтобы завладеть сердцем героя, надо просто показать себя слабой маленькой девочкой. А это так легко! В особенности – для Лотты...

Декабрь 1812 г., Берлин.

Прошло пять с половиной лет.

Шарлотта перевернула страницу и уже в который раз попыталась вникнуть в текст. Ничего не выходило – Гете вызывал невыносимую скуку. Что только находила в его произведениях матушка? Ведь он был одним из ее любимых авторов. Ах, скорей бы прошел этот длинный и нудный урок! Через час ожидается занятие танцами, а новый учитель-француз очень мил...

Закусив губу и мельком взглянув на фрау-надзирательницу, Лоттхен взяла перо и прямо в книге нарисовала розу. Потом несколькими штрихами изобразила прекрасную даму, держащую у груди этот цветок. У ног дамы тут же появился толстый карлик со смешным и злобным лицом в огромной полукруглой шляпе с буквой «N».

Бонапарт! Шарлотта всегда считала, что он единственный виновен в смерти Луизы. Убийца, чудо вище...

На давней встрече в Тильзите Наполеон попросил у королевы розу. Отчаявшаяся помочь своему мужу Луиза предложила цветок в обмен на одну из провинций, захваченных извергом. «Ну, это слишком дорого!» – лениво проворчал император, а Луиза бросила розу ему под ноги и гордо ушла. Сейчас эту историю преподносили в романтическом ореоле, не думая о том, что испытала бедная женщина, так и не сумевшая помочь своей родине.

Луиза умерла два года назад, как раз когда посещала своего отца в Нойштерлице. Она так радовалась перед поездкой, ей так хотелось побывать дома! Побывала. Доктор сказал, что полип в сердце был следствием большого и продолжительного горя. Да, тяжело ей далась эта вечная борьба с Наполеоном. Наполеон здравствовал и ныне, а мамы уже давно не было... Лоттхен так и не успела проститься с нею...

Шарлотта пририсовала императору трезубец и хвост, как у черта. Вздрыгнула от стука в дверь – на нос императора упала жирная клякса.

– Ваше высочество, к вам пожаловали его высочество принц Вильгельм, – подал голос пудренный столб в буклях.

– Проси.

Вил важно зашел в комнату и направился к сестре. Юноша очень вытянулся за последний год, стал почти на две головы выше Шарлотты – ну да, ведь почти пятнадцать лет. Пухлые детские щеки сменила подростковая худоба, темный пушок над верхней губой гордо назывался «усами», а серьезный чин в гвардии делал взгляд барственно-надменным.

Но Лотта хорошо знала брата и видела, что в данный момент его просто распирало от восторга. Будь он на пару лет младше, то сейчас бы прыгал и вопил от невысказанного «чего-то важного».

– О. Лоттхен Гете читает. Ну-ну. Вверх ногами книгу держит. Впрочем, как обычно.

Лотта прыснула:

– А я-то думала – отчего не могу вникнуть в смысл сего гениального произведения?..

Вильгельм взял перо и подрисовал у Бонапарта рога прямо на шляпе.

– Вот, так ему больше подходит. Пошли, Лоттхен, кое-что покажу. Очень важное.

– У меня урок танцев сейчас. Месье Лонтрэ.

Вил презрительно изогнул губы:

– Францу-узы... Неужели кроме французов никто не может достойно преподавать урок?

– Ну не русского же звать?

– Точно. Русские тебя научат вприсядку танцевать или хоровод водить. Под... как они называют эти штуки? Под балалайки.

Шарлотта расхохоталась и, вскочив, закружилась по комнате:

– Точно! Я буду как русская баба в кокошнике!

– До бабы тебе не дотянуть, сестрица. Фигурой не вышла. Пошли уже, бросай к чертям своего Лонтрэ, есть люди поинтересней, – он сделал хитрые глаза и прошептал на ухо: – Твой старик-ухажер приехал, вести из России привез.

– Мой славный Бойен здесь?! Ха! Конечно, пойдем! – подпрыгивая и приплясывая от нетерпения, она первая побежала к двери.

Королевской семье было разрешено вернуться в Берлин в тысяча восемьсот девятом году, Луиза тогда еще была жива. Ах, как же их встречали! Какие празднества, сколько приемов, балов и театральных постановок! Королева была в те дни на седьмом небе от счастья. Впрочем, Шарлотта тоже.

Сразу же стало легче жить. С нищенским существованием в Мемеле и Кенигсберге оказалось покончено. Но с дисциплиной стало строже. Штат надзирательниц резко увеличился, у принцесс появились свои фрейлины и «официальные подруги для игр». Хотя, признаться честно, строгий надзор не мешал трем старшим детям устраивать свои небольшие шалости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.